

ПОВІДОМЛЕННЯ

УДК 160. 130. 510

***В. А. Панфилов, **А. Е. Коломейцев**

**Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара*

***Московский государственный университет технологий и управления*

КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ АНТИЧНОГО МЫШЛЕНИЯ: ИЕРАРХИЯ ИНВАРИАНТНЫХ СТРУКТУР В СИСТЕМЕ ПЛОТИНА

Исследуется одна из первых концепций принципа инвариантности в контексте уяснения интеллектуальных форм иерархического упорядочения Вселенной.

Ключевые слова: когнитивные технологии, инвариантные структуры, единое, высшая ипостась.

Досліджується одна з перших концепцій принципу інваріантності в контексті уяснення інтелектуальних форм ієрархічного упорядкування Всесвіту.

Ключові слова: когнітивні технології, інваріантні структури, єдине, вища іпостась.

Examines one of the first concepts of the invariance principle in the context of the clarification of intellectual forms of hierarchical ordering of the universe.

Key words: cognitive technologies, invariant structure, a single, superior.

Принцип инвариантности, получивший столь широкое распространение в современной науке, имеет многовековую историю своего развития. Уже начиная с ранней античности, проблема неизменности выступала одной из центральных проблем, волновавших умы древнегреческих мыслителей. В связи с этим известный интерес представляет учение Плотина (204–269 гг.), одного из последних философов античного идеализма, уделившего большое внимание данной проблеме.

Философская система Плотина не является эпифеноменом античного способа мышления, а находится в общем русле развития философских концепций, выдвинутых его предшественниками, в ряду которых возвышается прежде всего личность Платона. Плотин – основатель «неоплатонизма», то есть философского направления, к которому историки философии относят труды его ученика – Порфирия, а также – Ямвлиха и Прокла. Вместе с тем термин «неоплатонизм» не отражает полной целокупности воззрений Плотина, так как смысловой контекст понятий, используемый им, позволяет говорить и о «неоаристотелизме», ибо «указанные Аристотелем формы: динамис, энергия и т. д., и связь между ними составляют существенный предмет его размышлений» [1, с. 38].

Древнегреческая философия, которая ко времени жизни и деятельности Плотина уже имела семивековую историю, нашла в нем своего достойного преемника, явно воспринявшего спекулятивный дух пифагорейской школы и усвоившего учения стоиков, эпикурейцев и скептиков, которые, по словам К. Маркса, растворились в неоплатониках. Неоплатонизм одновременно и завершает классическую философскую мысль Древней Греции, являя собой пример последовательного доведения «линии Платона» до ее логического конца – мистики и спиритуализма, наполнения философии религиозным содержанием.

Неоплатонизм, по признанию советских и зарубежных историков философии и науки, оказал весьма сильное влияние на философскую и научную мысль как средневековья, так и нового и новейшего времени, иногда даже заслоняя собой Платона и его подлинное учение. Однако в оценке и раскрытии этого влияния до сих пор еще остаются вопросы, ответы на которые помогли бы точнее и полнее воссоздать историческую картину непрерывного становления духовной культуры современного общества. Одним из них является вопрос о том, каковы те основные принципы, по которым строился интеллигибельный мир в учении Плотина. Непосредственным образом их можно реконструировать путем рассмотрения характеристик, данных Плотинином высшей ипостаси – «единому».

«Единое» («он», «бог», «благо») в иерархии платиновских понятий: «единое» – «ум» – «душа» – «природа» – «материя» – занимает высшее место. Оно не определяется, а заявляет себя лишь как принцип, начало всех начал (Энн. V3, 14–15); как смысл самого смысла (Энн. V1, 7; V3, 12; V5, 4–5, 11), находясь по ту сторону сущего и предшествуя ему. «Единое» не убывает, создавая все сущее (Энн., VIII, 9), причем все из него изливается, произрастает (Энн. III 2, 2; V2, 1); оно же ни в чем не нуждается (Энн. V1 9, 6), не допускает в себе различия (Энн. V1 2, 9; 5, 6; 9, 4–5) и т. д.

Сравнительный анализ «единого» с нисходящими ступенями его репродукции, то есть с «умом», «душой», «природой», «материей», которые определяются Плотинином с помощью аристотелевских категорий места, времени, отношения и др., позволяет различным авторам выделить ряд принципов иерархического построения системы Плотина:

- 1) принцип «убывающего совершенства единого» (В. Виндельбанд, Э. Целлер);
- 2) принцип «самодовления и независимости единого» (В. Ф. Асмус);
- 3) принцип «неопределяемости единого» (Б. Рассел);
- 4) принцип «трансцендентности единого» (П. П. Блонский);
- 5) принцип «постепенного ослабления эманлирующего единого» (А. Ф. Лосев);
- 6) принцип «логического самоопределения единого» (Д. В. Джохадзе);
- 7) принцип «деградации единого» (Б. Г. Кузнецов).

Логическое противопоставление «единого» «материи», осуществленное Плотинином, позволяет выделить еще один принцип, который в явном виде использовался во всей доплотиновской философии – принцип инвариантности.

В эволюции представлений о субстанциальной основе мышления и бытия принцип инвариантности сыграл весьма значительную роль. Практически вся развивающаяся наука и древнегреческая философия осуществляли поиски инвариантного субстрата мира, шедшие последовательно или одновременно в разных направлениях. Но в то время как материалистическая мысль Древней Греции, как писал Ф. Энгельс, «весьма естественно считает само собой разумеющимся единство в бесконечном многообразии явлений природы и ищет его в чем-то определенно-телесном» [2, с. 520], идеалистические принципы Платона, воспринятые Плотинином, необходимо вели его к деструкции многообразия конкретных определенностей, возведению единства в ранг всеподчиняющего принципа, представлению «единого» как абсолютного начала всего существующего.

Метафизическая трактовка причинной зависимости и телеологическая формула развития, которую вслед за Аристотелем использует Плотин, приводит его к построению иерархии инвариантных форм, степень подчинения и зависимости которых находится в прямом соответствии с «шириной спектра» их возможных изменений. Материя при этом понимается как нечто, обладающее бесконечными степенями свободы превращений, то есть готовое к любого рода подчиняющему воздействию и целеположенному изменению. Она есть чистая возможность

и, следовательно, – неопределенная самость в действительности; она мертва, безжизненна, изменчива (Энн. II 4, 3), неопределенна (Энн. II 4, 10), текуча (Энн. III 6, 16), равнодушна, безучастна (Энн. III 6, 9), проста (Энн. II 4, 8), отрицательна (Энн. II 1, 4), темна (Энн. II 4, 21–8); есть лишенность и инаковость, то есть «ни-что» (Энн. II 4, 13–14).

На противоположном конце иерархической лестницы, ее вершине, находится «единое» – это неизменное, перманентное, вечное, а потому и всеподчиняющее начало.

«Единое» Плотина является не только онтологическим, но и логическим инвариантом: оно не исчерпывается никакими определениями; смысл его находится и за пределами слов; в любого рода определениях и их совокупности «единое» остается тем же, ибо никогда не есть что-то другое; «и что касается его, то больше правды в молчании, чем в любых словах» [4, с. 305].

Взор Плотина «устремлен на единое, ... чувственно-истинное уже не признается им» [1, с. 13], а познание для него выступает как путь к «непосредственному единению с богом» [3, с. 203]. Обращаясь к идее пиктографического письма, Плотин ставит его над дискурсивным мышлением в качестве эстетической оценки его результатов (Энн. V8, 5–6), а удовольствие от созерцания симметрий, отношений и принципов порядка (Энн. II 9, 16) определяет как переживание истины более высокого порядка. Наивысшая истина, по Плотину, постигается посредством любви к «единому», через восхищение, или экстаз, в котором человеческая душа становится простой и сливается с божеством.

Познание «единого» являет у Плотина собой глубоко индивидуализированный процесс и носит явно мистический характер, однако его поиск единства логических (интеллектуальных) форм, попытка иерархического упорядочения Вселенной, противопоставление качественной неделимости целого как существенного количественному отношению между частями, размышление о числовых структурах и истине – все это, представленное в оригинальной и диалектической форме, вызывает непосредственный интерес и заслуживает научного внимания.

Библиографические ссылки

1. Гегель Г. В. Ф. Сочинения : в 14 т. – М. : Госиздат. полит. лит-ры, 1935. – Т. 11.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М. : Госиздат. полит. лит-ры, 1961. – Т. 20. – В 50 т.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М., 1956.
4. Рассел Б. История западной философии / Б. Рассел. – М., 1959.

Надійшла до редколегії 12.11.2012